

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОГНОЗЫ А. С. ПАНАРИНА И НАСЛЕДОВАНИЕ КУЛЬТУРЫ

И. К. Кучмаева

Притягательность трудов А. С. Панарина будет возрастать, поскольку его творчество — это не только одна из вершин отечественной философии, политологии и культурологии, но и высокая планка подлинного патриотизма, нравственности и самоотверженного служения христианскому долгу, служения науке, не знающей границ, кроме одной — моральной ответственности учёного за каждое произнесённое им слово. Многие острые проблемы, с которыми сталкивается общество, были ещё в зародыше точно названы и продиагностированы Панариным. Это предопределяет не только дальнейшее развитие научной школы, заложенной Панариным в МГУ, ИФ РАН и ГАСК, и не только становление панариноведения (так можно назвать изучение наследия А. С. Панарина), но и побуждает политиков прибегать к разработанной им методологии глобального прогнозирования. Примером такой связи теории и политической практики может служить широкое обсуждение Евразийского проекта, в разработку которого Панарин вложил много сил в последние годы своей жизни, как и в реализацию проекта уникального научно-образовательного славянского центра, каким стала Государственная академия славянской культуры, созданная при его деятельном участии.

А. С. Панарин неоднократно отмечал, что для разработки и оценки евразийского проекта, как и других политических проектов и прогнозов, важна гуманитарная составляющая, соединение широкого гуманитарного, и прежде всего культурологического, подхода, в частности потенциала теории культурно-исторических типов, с глубокой политической аналитикой, основанной на принципах традиционализма и теории наследования культуры. В рамках этой теории, которая только формируется ныне, избавляясь от идеологической зависимости, раскрываются механизмы сохранения и трансляции цивилизационного наследия.

В отечественной литературе получила достаточно основательную разработку дефиниция культурного наследия. Определённые авторские различия мы не считаем настолько существенными, чтобы поставить перед собой задачу их критического разбора и преодоления путём поиска какой-то особой новой формулировки взамен существующих. Гораздо более важным представляется теоретическое осмысление субъектной связи процесса наследования культуры. Культурное наследие как объект освоения опосредуется особыми связями с интериоризирующим мир культуры субъектом. Дифференциация механизмов наследования культуры детерминируется, с одной стороны, богатством форм объекта, а с другой — особенностями субъективного фактора. В качестве последнего выступают политические партии, эксперты институтов культуры, разного рода интерпретаторы и т.д. Иначе говоря, субъект может быть представлен как на институциональном, так и на личностном уровне, а это обстоятельство, естественно, усложняет задачу классификации механизмов наследования культуры.

Дальнейшая теоретическая разработка вопроса потребует сделать ряд необходимых оговорок.

Прежде всего, следует подчеркнуть, что когда мы говорим о наследовании *культуры*, то допускаем неточность, поскольку эта философская категория не поддаётся онтологизации в силу социальной «внеаходимости» культуры, которая указывает на освоенность человеком предметно-вещного мира, совокупности средств, способов, регулятивов деятельности, а также их ценностные, качественные характеристики.

В повседневной, обыденной практике процесс наследования культуры часто соотносят в первую очередь с предметным миром культуры прошлого. Не отвергая такого подхода, считая его вполне правомерным, необходимо вместе с тем подчеркнуть особую значимость освоения культурных ценностей, социокультурного опыта, традиций и т.д. Дело в том, что само по себе познание предметного мира культурного наследия, возрастание информированности, осведомлённости личности может дать предельно упрощённое представление об освоенности культурных богатств прошлого. Принципиально важным показателем такой освоенности можно считать сформированность социально значимых нормативных качеств поведения и жизненной позиции индивида, претворённых в производственной, общественной и досуговой деятельности, в системе общественных и межличностных отношений.

Учитывая эти обстоятельства, *наследование культуры* можно определить как процесс критического восприятия, освоения и творческого внедрения культурных ценностей прошлого в социальную и личностную практику, в систему социальных и межличностных отношений. Это сложный процесс, обеспечивающий преемственное развитие культуры, детерминированное определёнными социально-экономическими и социально-политическими условиями; уровнем материально-идеологического обеспечения этого процесса; степенью квалификации научных кадров, ответственных за освоение культурных ценностей прошлого; состоянием планирования и координации этого процесса; совершенством и справедливостью информационной службы и т.д.

Данное определение, разумеется, можно принять с определённой долей условности, ибо в нём сознательно опущены такие существенные компоненты, как взаимосвязь между принципами аддитивности, субаддитивности и супераддитивности в этом процессе, соотношение осознанных и неосознанных уровней освоения культурного наследия и целый ряд других моментов, о чём следует говорить специально, в отрыве от узких рамок научного определения.

Нашим зарубежным политическим оппонентам такой многогранный подход к вопросам наследования культурных ценностей в России не представляется необходимым, о чём неоднократно писал и говорил Александр Сергеевич Панарин. У них своя цель, свои приоритеты. Они работают ныне не со всей проблематикой наследования культуры, а с тем, что в этой мощной культурной глыбе для них опаснее всего — с русской идеей. В последней лекции, которую Александр Сергеевич прочитал в нашей Академии, он приводил один убедительный пример: «По приглашению Валентина Распутина я был в Иркутске на Днях русской культуры. Участникам встречи подсовывали, в том числе Распутину, простую идею... Её суть в том, что вы,

писатели-деревенщики, выразили замечательное этногеографическое своеобразие России... Я, конечно, не мог промолчать, не высказать своего мнения. Я сказал, что Валентин Распутин вовсе не представлял этнографическую Россию, да и сама русская идея отнюдь не является этнографической. И напрасно нас, русских, считают нацией, которая тем и славна, что носит сарафаны, кушаки и пьёт чай из самоваров.

Русская идея есть вселенская идея, всемирно-историческая идея, идея мессинская... Нас хотят загнать в гетто этнографии, показав, что русский самобытный тип — это нечто безнадежно устаревшее, отставшее от современности, нечто способное нести в себе разве что прекрасное этнографическое...»¹

Этот сложный процесс понимания наследования культуры становится на уровень сложнее в условиях глобализирующегося общества и совершенствования методов манипулирования массовым сознанием, но именно механизмы наследования культуры, как очень кратко говорилось выше, обеспечивают её подлинное развитие. Эти вопросы пристально рассматриваются учёными и учащимися Государственной академии славянской культуры.

Александр Сергеевич воспринимал славянский мир как основу развития православной цивилизации. Он полагал, что высокая миссия Государственной академии славянской культуры — собрать интеллектуальные силы славянства, стать центром совместных обсуждений и исследований по всем ключевым направлениям культурного сотрудничества. Эта задача, по его мнению, становится всё более значимой именно теперь.

Он видел, что в Академии работают и учатся мало- или среднеимущие люди, работающие с «чистыми» руками, в массе своей несобственники. А его более всего волновало, как защитить бедного, как реабилитировать *несобственника*.

Для решения этой задачи, по его мнению, «человечество нуждается в пробуждении христианского чувства, в понимании великого подвига Христа, который обращается к нищим духом со словами “Вы наследуете землю”. Я думаю, что старый архетип России, старая русская идея заключается в том, что мы с бедным, с угнетённым большинством... Без этой идеи мир превратится в новое рабство, а России грозит новое варварство. Наша русская идея, требующая реабилитировать слабого и вернуть ему человеческое достоинство, — это всемирно-историческая идея. И ей нет альтернативы, если человечество не хочет погибнуть. Русская миссия будет востребована. С этой перспективой надо жить»².

Говоря о научном наследии Панарина в целом и его концепции Евразийства в частности, важно учитывать, что личный вклад учёного в науку представляет самоценность и должен оцениваться как часть национального и культурного наследия. Культурно-нравственное значение творческого наследия Панарина в этом отношении трудно переоценить, а подлинная роль его деятельности на ниве политической науки, культурологии и образования будет осознана со временем, когда власть и ответственность, компетенция и компетентность, культурное наследие России и политическая культура станут одним целым.

¹ Панарин А. С. Политическое положение России: взгляд в будущее. М., 2003. С. 7, 8.

² Там же. С. 15.